

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 40

1904

15 Января 1904 г.

ЗАДАЧИ ГРЯДУЩАГО.

Наступленіе Нового года доставило намъ пріятную возможность узнать изъ устъ наиболѣе виднаго глашатая политики фонъ-Плеве, передовика «Московскихъ Вѣдомостей», то, въ чемъ давно уже не сомнѣвалась вся революціонная Россія. Политика крови и желѣза, висѣлицъ, розогъ и избійеній, политика, которая, по заявленію фонъ-Плеве, должна была покончить въ два мѣсяца съ гидрою революціи, по прошествіи почти двухъ лѣтъ признается не достигнутой цѣли — и къ чему признается? — органомъ самого фонъ-Плеве! Передовикъ, новобранной статьи «Моск. Вѣд.» широкой кистью рисуетъ опасности, окружившія императорскую Россію — Россію господств. фонъ-Плеве, Клейгельсовъ и Побѣдоносцевыхъ. Здѣсь и «многочисленные представители духовенства, увлекающіеся проповѣдью графа Толстого и его подручника о. Петрова (!)», «все и земскіе дѣятели, дѣйствующіе по указкѣ близкаго маркиза Струве», «все эти «либеральные» представители высшей бюрократіи, ополчившіеся противъ основнаго строя Россіи и противъ земельной, досель такъ щедро питавшей ее, промышленности, стремящейся къ той же цѣли — крушенія Россіи во имя демократическаго эгалитаризма и социалистическихъ теорій Маркса (!)»; все, наконецъ, эти «наставники юношества» въ среднихъ и высшихъ школахъ, поющіе дифирамбы французской революціи и *глобнымъ диктаніемъ* и дѣлающіеся надъ самобытнымъ строемъ русскаго государства» и т. д., и т. д. Все они, по словамъ «Моск. Вѣд.», являются пособниками одной и той же идеи — «напасти на возможности тяжкіе удары могуществу Россіи, зиндуйскому на православномъ союзѣ царя и народа». «На сколько эта идея считается упрочившейся въ Россіи, видно изъ того, что она начинается выступать теперь съ большою откровенностью». **Начало 1904 г. застаётъ Россію во внутренней и внешней борьбѣ съ этой всецѣпной лавой.** Человѣческій умъ не можетъ предвидѣть всехъ тѣхъ фазъ, черезъ которыя пройдетъ эта борьба, всехъ ея различныхъ перипетій».

И такъ, прошло два мѣсяца, проходитъ и второй годъ, а вражда не только не уничтожена, но, по мнѣнію реакціоннаго публициста, чувствуетъ себя сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Въ чемъ же онъ видитъ выходъ изъ такого отчаяннаго положенія? Новыя казни, новыя избіенія, новыя полицейскіе бичи и скорпионы? Конечно, все это по прежнему желательнѣе фонъ-Плеве и ихъ публицистамъ. Въ глубинѣ души своей они *вѣшаютъ* золотую мечту — усиленными кровопусканіями если въ казнь остановить, то хоть задержать на достаточное время надвигающійся на нихъ потокъ; но открыто они о не высказываютъ, они знаютъ, что никто имъ не *предлагаетъ*. Открыто они уже меланхолически говорятъ о предвѣстіи имъ, недобрыхъ минутахъ: «Можетъ быть, Господи, насъ за грѣхи наши и тяжкимъ испытаніемъ». Но что изъ этого испытанія они выйдутъ невредимыми, только великіе чудеса Саровскаго молитвенника. **Молитва на Новый годъ, — чтобы преподобный Серафимъ**

«исцѣлитъ православную Россію отъ всехъ внешнихъ и внутреннихъ недуговъ»...

Эти мольбы и вѣдохи, такъ мало гармонирующіе съ видѣмъ побѣдителя во вражескомъ станѣ, каковымъ долженъ былъ бы явиться въ настоящій моментъ фонъ-Плеве и охраняемое имъ самодержавіе, невольно вызываютъ у насъ любовитную параллель между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ.

Лѣтъ 10-15 тому назадъ поэтъ побѣжденнаго революціоннаго поколѣнія начала 80-ыхъ годовъ, поколѣнія, которое онъ называетъ — «проклятое богомъ», а тотъ поэтъ, видя вокругъ себя только развалины, только трупы, только безмолвный, вымирающій отъ голода народъ, въ тоскѣ восклицаетъ:

«Мелькаютъ дни и годы...

О, боже, кто спасетъ покинутый народъ?»

Герои-бойцы, проявившіе необыкновенную энергію, заставлявшие дрожать всецѣпнаго самодержца, сошли со сцены, ихъ продолжатели пытались поддержать вынашенное революціонное знамя все болѣе и болѣе слабѣющими руками. Самодержавіе, какъ бы окрѣпшее въ пережитой побѣдной борьбѣ, какъ бы помолодѣвшее, некунавшись въ крови мучениковъ, легко сметало ихъ ряды одинъ за другимъ. Гроза мрачной голодовки, давшая надъ несчастной страной, какъ бы предзнаменовала неизбежно грядущую гибель и вырѣженіе. Казалось, только сверхъестественная сила можетъ спасти русскій народъ.

Но, мрачная полоса была пережита. Спасительныя силы пришли — не извнѣ, они нашлись въ недрахъ самого народа. Революціонная интеллигенція все болѣе и болѣе стряхивала съ себя гиннозъ ужаснаго пораженія и сперва робкимъ, но потомъ все болѣе и болѣе крѣпнущимъ революціоннымъ сознаніемъ выдвигалась на арену новой борьбы за свободу и социализмъ. На этой аренѣ она нашла свѣжую силу, хотя и знакомую ей по прежнимъ битвамъ, но теперь выступившую во всемъ блескѣ юной отваги, это былъ рабочий народъ. Революціонная интеллигенція сперва какъ бы не довѣрила этой силѣ; она съ надеждой ждала къ нему и боязливо ограничивала его размахъ; но рабочий народъ инстинктивно сознавалъ, какая великая историческая задача выпала на его долю, и могъ съ гордостью отвѣтить на тоскливый вопросъ поэта: «и самъ спасу себя».

И вотъ мы присутствуемъ при полной перемѣнѣ картины. Помошь извнѣ призываютъ уже не революціонеры, твердо и увѣренно идущіе къ побѣдѣ, но рабочий народъ, — ибѣ, онъ выполняетъ призывъ революціонера-поэта:

«Восприни, о край родной, восприни! пора настала»

Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!

Къ богу зла и несправедливости, возносится робкій молитвы тѣхъ, кто, казалось бы, является господиномъ положенія.

Такою встрѣчей Нового Года мы, революціонеры, можемъ быть довольны. Самодержавіе, опирающееся на измѣнившуюся Серафима Саровскаго, въ судорожныхъ усиленіяхъ продлить свое существованіе, вырветъ изъ нашихъ рядовъ еще много жертвъ, пролетѣтъ еще много крови, разобьется еще много жизней, но спасти себя не можетъ. Намъ предстоитъ еще суровая борьба, но цѣнное признаніе г. г. реакціонеровъ прида-

есть уверенность нашим надеждам, ободрение революционными борцами.

Но чем ближе приближаются и тем реальнее обрисовываются очертания грядущего великого исторического события — падения русского самодержавия — тем напряженнее работает наша мысль над разрешением вопроса огромной важности — о тех задачах, которые мы должны ставить себе в эпоху надвигающегося кризиса, о тех внутренних, местных, и внешних, международных условиях, которые властно отражаются на постановке нашей борьбы.

Во всем мире разнствует теперь великая тяжба между трудом и капиталом. Всякая политическая задача окрашивается теперь в своеобразный цвет, разншаясь в атмосфере этой великой социальной борьбы, этого столкновения двух основных начал, двух общественных сил, двух классов. России пришлось занять совершенно исключительное положение в этой великой борьбе. С одной стороны, она вовлечена в сферу влияния социалистических идей; ее рабочий класс все больше проникается ими и стремится занять почетное положение среди своих европейских собратьев. С другой стороны, над ним тяготеют старинные цепи самодержавного произвола, она лишена той свободы действия, которой давно уже добились рабочие во всем остальном цивилизованном мире. Понятно, поэтому, что нашему рабочему классу приходится решить ту задачу, которая на западе разрешена была рабочими в союзе с буржуазией, в такой исторический момент, когда классовый антагонизм между союзниками не был еще ни столь сильно обострен, ни в достаточной мере обван. Таким образом, русский рабочий должен стремиться одновременно и к своему политическому, и к своему экономическому освобождению. Задача эта, трудная вообще, становится еще труднее вследствие целого ряда причин: вследствие относительной малочисленности нашего городского пролетариата, более перелового, легче воспринимавшего идеи революционного социализма; вследствие невозможности опираться на союз с буржуазией, в значительной мере удовлетворенной при самодержавном строе, понимающей, какого врага она имеет в пролетариате, инстинктивно интуцией союзника не в нем, а против него. Положение рабочего класса могло стать при такой обстановке почти трагическим. Но если на его пути стоят своеобразные препятствия то он находит также поддержку и выход в своеобразных условиях русской экономической жизни. Громаднейшая часть русского рабочего класса — трудовое крестьянство. Оно не может оторваться от земли, так как город не дает ему достаточного приложения для его рабочих сил. Но оно и не имеет ни достаточно земли, ни достаточного обеспечения от всех видов самой страшной эксплуатации для того, чтобы хоть сколько нибудь сносно существовать. Вследствие этой обстановки разыгрывается одна из самых страшных социальных трагедий. Трудовое крестьянство эксплуатируется не менее, в громадном большинстве случаев даже более сильно, чем индустриальный пролетариат; жизнь этих «собственников» во много раз тяжелее жизни имеющих прочный заработок наемных рабочих. Единственный выход для этого многочисленного трудового населения может быть только в социализме. Только переход всей земли из руки трудящихся может дать основу для устройства лучшей жизни; только коллективная работа на общественной земле может действительно устроить эту лучшую жизнь. Перед трудовым крестьянством стоит дилемма: земли или вырождение! Мы, русские социалисты, имеем все основания верить в здоровые силы нашего народа, и мы верим, что он сумеет завоевать себе землю и волю и избежать вырождения. Но раз земля будет в руках крестьянина, раз классовая борьба в деревне в этом первом, важном, пункте окончится победой трудовых элементов, этим будет дана могучая поддержка городскому пролетариату в его городской борьбе. Им же за оборону право на землю, им же возможность оставить в деревне всю нашу столь презрительно дикантеки разросшуюся в России беззастенчивую резервную армию, действуя и борясь в тесном союзе с трудовым крестьянством, городские рабочие приобретут могучее оружие для победоносной борьбы с капиталистами, лагеря которых будут ослаблены экспроприацией земли, подрывающей хозяйственные корни существования одной из главных сил нашей реакции — «аграриев». Построенное на

песнь величественное здание национальной русской индустрии, оказавшееся таким слабым, умьющее поддерживать себя только правительственными субсидиями и запретительными тарифами против одних, полицейским покровительством — против других, будет замещено, в итоге новой великой борьбы не новым типом промышленности, служащим интересам хищников, а интересам трудящихся. И нам кажется, именно эту перспективу имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда допускали возможность, что Россия подаст сигнал социальной революции во всем цивилизованном мире, пройди ускоренным революционным темпом и в сокращенном виде те фазы хозяйственной эволюции, которые гораздо более растянулись в странах классического капитализма.

Верные этим идеям, мы, социалисты-революционеры, кладем в основу своей программы политическую и социальную революцию, осуществляемую тройственным союзом революционной интеллигенции, промышленного пролетариата и трудового крестьянства. Мы зовем крестьян и рабочих к завоеванию в общую собственность всех орудий производства; мы зовем трудовое крестьянство к безопасной классовой борьбе со всеми деревенскими хищниками, и прежде всего с монополиями частной собственности на землю; мы зовем городских рабочих к безопасной классовой борьбе со всеми капиталистами, мы всех рабочих зовем к борьбе с деспотизмом за политическую свободу.

Есть два вида политической тактики. Можно в каждый данный момент смело и решительно ставить себе максимум теоретически достижимых задач, не смущаясь тем, что практическое разрешение их всегда выходит на первых порах более или менее урванным, неполным, эклектическим. И можно пытаться заранее учесть стени и мбру тех урзков, которым подвергнутся наши требования в ближайшем будущем, чтобы приспособить к ним самое содержание наших требований, чтобы раздробить, разбить принципиальную их широту на целый ряд постепенно расширяющихся речорь, которые и ставить в своей программь, поочередно, в порядке их расширения, переходя к требованиям более смблым лишь по мбру того, как осуществляются поставленные раньше, более узкие и скромные требования. В первом случае мы будем иметь широкую, интегральную программу, рассчитанную на целый великий исторический период; во втором случае мы будем иметь программу быстро мбняющуюся, то и дбю рабочей приспособляющуюся к измбняющимся условиям короткого политического момента. В первом случае программа дает руководящий принцип, частичные и неполные воплощения которого могут достигаться одно за другим, попутно, как побочный результат борьбы за полное осуществление принципа; во втором — конкретную мбру, которую исторический процесс, при неожиданно-благоприятном обороте событий, может легко завтра же обогнать и оставить далеко позади. В первом случае мы имеем революционную тактику — смблую, идейную, не приспособляющуюся, а приспособляющую; во втором случае — тактику типично-оппортунистическую, прилбляющуюся к умбренным и аккуратным соображениям непосредственной практической возможности, с узеньким размахом, узеньким кругозором, но за то с широкой вброй в собственное благоразумие, положительность и полное знание того, что действительно возможно и единственно возможно, а потому неизбежно осуществится.

Мы потому и называем себя социалистами-революционерами, что решительно и неуклонно стоим за тактику первого типа. И вот почему нас ни мало не смущает то обстоятельство, что время от времени иные «здравомысленные» люди объявляют нас утопистами и авантюристами, желающими прыгнуть выше ушей, не считающихся с неизбежным и непреодолимым ходом вещей. Мы не смущаемся, когда слышим такие упреки от наших «умбренных» или «либералов» — ибо эти последние являются сознательными сторонниками оппортунистической тактики; мы не смущаемся, когда слышим такие же упреки от социалдемократов, ибо эти последние то и дбю безсознательно сбиваются на ту же оппортунистическую тактику, только под другим соусом и отчасти в других вопросах. Либералы укоряют нас прежде всего за политическую непримиримость, уверяя, что все же наше стремление к полному политическому освобождению, если мы

не видим той «первой двери», через которую только и возможно прийти к цели: призыва «сверху», самостраничения монархизма, конституции, «хотя бы и купон». Они утверждают, что это требовали и только его, откуда-то, следует нам выставлять, ибо это необходимый «первый шаг», маленький, но верный». Социал-демократы говорят, что все же наше стремление к социальному освобождению крестьянства, если, опять таки, мы не видим «первой двери», «первого шага», маленького, но верного», который, примкнув, укладывается в рамках «отрѣзок». Разница только в том, что либералы требуют отрѣзков политических, а социал-демократы — социально-экономических; но «отрѣзочный» характер программы тех и других в существе постановки совершенно одинаков.

Мы ни мало не отрицаем полумбры, «отрѣзочных» реформ только потому, что они — «отрѣзочны», что они — полумбры. Иногда, в чужих конкретных формах, они даже очень полезны. Мы только настаиваем, что заниматься ими — не наше дело, а дело «умеренных» и «постепеновцев», в их сортов и разновидностей. Наше же дело — только заставить «умеренных» заниматься этими реформами в направлении, не противоречащем нашим принципиальным требованиям. Наше дело — принуждать их к этому самым фактом своего существования, своей агитации, своей борьбы, своего давления на существующий режим. Реформы должны явиться побочно, как побочное следствие нашей революционной борьбы. Эту борьбу мы ведем за наши социалистические цели; для отработки же, для различения полезных реформ от вредных, нам служит наша «минимальная» программа (и это — одна из ее очень важных функций). Но и эта программа сводится в максимальном объеме все те изменения в современном хозяйственном и политическом строе, которые — будь они произведены даже «умеренными» — не отодвигают, а приводят осуществление нашей конечной цели. Итак, требования минимальны для нас прежде всего являются широкими и определенными критериями, мерилом для оценки частичных наших завоеваний, или частичных уступок со стороны дирижирующих элементов общества. Но это не программа нашего собственного движения в его целом. Наша программа в этом смысле есть только максимальная, только интегральная программа социализма, в которую лишь входят, как часть в целое, некоторые из минимальных требований. Ее мы пронагандируем, во имя ее зовем к борьбе, под ее знаменем организуем ядро своей партии, к ее осуществлению приносим все свои действия. Минимальные же требования регулируют лишь одну сторону нашей деятельности — наше отношение к частичным уступкам буржуазного общества или частичным революционными завоеваниями у него в моменты политических кризисов.

Мы не понимаем тех ультра-благоразумных людей, которые от дождя прихотятся в воду, — которые из боязни, что жизнь урвет их требования, прибегают к операции самурьзанья. В каждый данный момент мы стремимся нанести возможно больше ударов всем нашим врагам, от феодализма до капитализма, и никакие выкладки современных астрологов не заставят нас служить величину революционного размаха.

Но — говорят нам — ведь «в России дело идет еще не о революции пролетариата в смысле завоевания им диктатуры, а только об освобождении всего населения империи от политического рабства, т. е. о революции буржуазной». С этим и должно сообразовать свои требования: их осуществление должно освободить развитие буржуазных отношений от крепостнических пут. Мы можем и должны помочь этим родам чистого, свободного от крепостных пут буржуазного общества; — это необходимый фундамент нашей программы — минимум...

Такова эта точка зрения, приводящая революционеров к сознательному, принципиальному самоограничению, доходящему до навязывания социализму чужих ролей. Фанатично веря в свою догму, люди готовы взять на себя осуществление чисто буржуазных задач; и их самоотверженная готовность служить интересам развития буржуазного общества, оставаясь

в то же время сторонниками рабочего класса, — производила бы трагическое впечатление, если бы под нею не чувствовалось комической доктринерской самоуверенности ученого метафизика. Если бы народ обманул их ожидания, если бы он в великих переменах, которыми должна ознаменоваться «политическая революция», наложил свою властную руку на некоторые имущественные права нашей буржуазии, русские социал-демократы, пожалуй, в ужасе воскликнули бы: «falsch kurirt!» («кисло лечился!»), совершенно на подобие того анекдотического немецкого доктора, который увидал неожиданно-негаданно живым приговоренного им к смерти пациента. Мы, живые деятели современности, сделали бы громадную, непростительную ошибку, если бы последовали этой мертвящей тактике самоуверенности. Мы, социалисты, исключаем все основания верить в успех дела рабочего класса, ставим перед историей наши максимальные требования, выработанные в сфере реальных условий современной жизни, — требования, корнями глубоко сидящие в земле, но верхушкой стремящиеся к солнцу; мы боремся за них, добиваемся их осуществления. Но в жизни есть масса сил, работающих против нас; мертвецы тянут за собою живых, ни один из господствующих классов не отдаст без жестокой борьбы того, чьей властью. Побужденный, он все же будет стремиться или хитростью, или пользуясь неосторожностью и неподготовленностью победителя, вернуть себе все то, что утратит. Жизнь пойдет по исторической равнодушной волне, этих взаимно борющихся сил нового и старого. Возможно, что осуществится не все задачи, к которым мы стремимся в которых называют «утопиями» здравомыслящие зайцы. Но чтобы вырвать у судьбы максимум возможного, мы должны широко развернуть наше знамя, стремиться к осуществлению нашей задачи во всей ее широте. Мы не верим в возможность чистого политической революции в России, хотя в ней возможны политические реформы. Если самодержавие доведет страну до революции, то она фатально проникнется духом социального преобразования и истории придется только ждать, как велика будет степень социальных изменений. Заранее пригибаться к этой равнодушной, значит — неизбежно наклонить ее в сторону врагов рабочего класса; заранее вычислить линию, по которой она пройдет и пригибать к ней содержание своей программы — это оппортунизм чистой воды и мы повторяем то, что говорили уже не раз: если русская социал-демократия будет верна этой тенденции, она должна будет скатиться по наклонной плоскости к полному буржуазному вырождению.

Нас, конечно, точно так же постараются перетолковать в том смысле, как будто бы мы утопически верим в немедленное, чуть ли не единым вымахом достижимое, доведение социализма одновременно с падением самодержавия. На деле, конечно, мы далеки от этого взгляда; но мы далеки также и от другого взгляда, согласно которому ближайшая революция ограничится лишь правовыми, политическими преобразованиями, да уничтожением последних остатков старого крепостничества в русской деревне.

Еще в 1875 г., в своем отрывке Ткачеву, Фр. Энгельс указывал, что если бы даже политическое переустройство в России было начато высшими классами или правительством — то на этом деле не остановился, ибо революция «неизбежно продолжалась и скоро выведут из ее первого конституционного фазиса крестьяне». Тот же взгляд гораздо подробнее он развивал в 1883 г. в своем разговоре с знаменитым русским революционером Терманом Лопатиным, писавшим провозвещающим второй десяток лет в стенах каземата Шлиссбургской крепости. Выдвигая в согласии с Марксом на первый план для России свержение самодержавия и созыв Земского Собора, Энгельс указывал на возможные не только политические, но и социальные завоевания революционной партии: «Она верит, как и я — писал Лопатин — что подобный Собор неизбежно приведет к радикальному не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода в смысле всемерно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на уха. Он считает невозможной чисто либеральную конституцию, без глубоких экономических

*) «Soziales aus Russland».

**) Разговор этот, изложенный в письме Лопатина, был опубликован с разрешения Фр. Энгельса.

Чтобы не излагать «своими словами» главных возражений против нашей программы, мы берем здесь — как и ниже — формулировку из ближайшего, находящегося под руками источника: члена П. Аксельрода в «Искре».

перестроить и потому не боясь этой опасности. Они верят, что в фактически условиях народной жизни, накопилось достаточно материала для перестройки общества на новых началах. Конечно, они не верят в моментальное осуществление коммунизма или чего либо подобного, но лишь в возможность реализации того, что уже назрело в жизни и в душе народа. Они верят, что раз начавшись, это переустройство или революция не может быть остановлена никакими силами. Важно поэтому только одно — разбить роковую силу застою, выбить на миг из народа и общества из состояния косности и неподвижности, произвести такой безорядок, который принудит бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спящее народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный энтузиазм к делу полного общественного переустройства».

Мы также верим, по отношению к социальным завещаниям революционной партии, лишь в «реализацию того, что уже назрело в жизни и в душе народа». И мы полагаем, что экономический строй России, в силу ее положения в системе международного разделения труда, связан тесным образом с ее аграрным строем; и если слова Маркса: «Ich war aber von jeher überzeugt, dass die soziale Revolution von Grund aus, dass heisst von Grund- und Bodeneigentum aus, ernsthaft anfangen muss») заключают в себе зерно истины, то это прежде всего по отношению к России. Тогда и та настоятельность, с которой мы выдвигаем в нашей программе требование социализации всего феодально-буржуазного землевладения. Мы глубоко убеждены, что на этой почве должно произойти первое революционное влияние рабочего народа в права «сущностной частной собственности» — этого идола буржуазии. И мы должны быть готовы ко времени решающего шага кривости самодержавия охватить всю страну боевым кличем «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ».

Что же предлагают нам вместо этого наши критики? Ни больше, ни меньше, как идти, до поры, до времени: рука об руку с сельской буржуазией, идя деревню за деревней, идя, сдвигая своими руками типичную революцию третьего сословия! Какой революционной фразеологией можно прикрыть эту неприглядную оппортунистскую практику?

«Влияние пролетарского или социал-демократического элемента в современном революционном движении России» — отвечают нам наши критики — «может развиваться лишь в том, что подготовительный процесс буржуазной революции является в то же время процессом политического воспитания и объединения рабочих масс в партию революционного социализма». Задачи этого воспитания определяются тем, что «только принципы революционного марксизма определяют настоящую задачу русского пролетариата и его боевой борьбы со всеми буржуазными строем и русскими самодержавием в частности». Иначе говоря, отсутствие у пролетариата особых непосредственных задач, кроме восполнения развития буржуазного общества, оставив достаточный допуск, который мы вполном мере удовлетворим нашей марксистской догмой — das war der langer Rede kurzer Sinn.

Но причем же тут борьба с самими буржуазными обществом? В моменты революции он идет от такой борьбы отказываются, так как эта революция будет «чисто политической, т. е. буржуазной». При современном же деспотическом строе она может выразиться только в самостоятельной организации пролетарских сил, перед которыми будут поставлены непротестаркой, буржуазная задачи, что, конечно, будет весьма двусмысленной классовой борьбой, да еще в стайках, социалистическую роль которых никто так и не критиковал, как редакция «Печры». Если не думать, что во вновь изданной правде, «неправдах» французов, редакций «Печры» и других на пути коммунизма, то единственная социалистическая работа русской социал-демократии должна свестись к изданию «марксиста» в умах пролетариата. Не отрицая законности такой пропагандистской работы для тех, кто верит в научность этого учения, нельзя все таки не признать, что использование русского социал-демократов довольно печально. Вместо призыва к живой со-

циалистической борьбе они дают школьные уроки, вместо научного обоснования борьбы за социальное освобождение они предъявляют рабочему сомнительные выкладки, по которым социальность-рабочий должен забыть в самый животный момент русской жизни — момент революции, — о своих собственных задачах, отложить на время борьбу с главным врагом — буржуазным обществом и даже, напротив, заботиться о его интересах. С такой проповедью не шла к пролетариату ни одна из европейских социалистических партий. Даже в дни полного и безраздельного идейного господства буржуазии, в медовый месяц ее первой великой революции, нашелся великий «утопист» Кабачко, который звал рабочих воспользоваться плодами победы, добытой их усилиями. Перед юньскими днями французские социалисты заботились не только об успехе «чисто политической т. е. буржуазной» революции и потому Фердинанд Лассаль с этой революцией начинает новую эпоху — эпоху практического выступления «рабочего сословия». Фр. Энгельс сражался в рядах революционной армии в Бадене не для того только, чтобы буржуазия победил прусских вонкертов, но думая о том, чтобы придать этой революции «перманентный» характер, чтобы продолжать ее за пределы простой переметы декораций в строй, основанном на социальном унижении и рабстве рабочего класса. Великие мученики Коммуны 1871 года стремились воплотить на развалинах наполеоновской монархии господство рабочего класса, и не в этом Маркс видел их ошибку, а в том, что они еще недостаточно решительно и последовательно действовали в этом направлении. Пусть безжалостная история залла свои страницы кровью благородных жертв: их усилия не пропали даром для рабочего дела. Эта борьба и эти жертвы отключили равнодушие и дали дальнейшей исторической жизни значительно больше энергии, в сторону интересов труда и свободы, чем это было бы возможно при тактике оппортунистского приспособления к грядущему торжеству буржуазии. Когда разбитый в суровых битвах пролетариат начинал мало по малу поднимать голову, буржуазия гораздо внимательнее относилась к частичному удовлетворению его непосредственных, ближайших практических интересов, боясь нового перевала, во время которого пролетариат снова широко развернул свое социалистическое знамя, прибегнул бы к «деспотическому вмешательству» в имущественные права буржуазии.

Может быть и нам, русским социалистам, уготована в будущем затихшая эпоха медленных мирных реформ, во время которых мы подготовили революцию, втечении долгого времени сможем лишь шаг за шагом, по мелочам вырывать у класса капиталистов все то, что они могут дать, оставаясь капиталистами. Может быть, русскому рабочему классу придется потерпеть крупные поражения во время своей первой революционной борьбы с буржуазией или придется по неволке подклиниться с нею, плодами победы, уступив ей лишнюю долю, а для себя получив лишь отрывки и обрывки. Все это покажет будущее, но сейчас мы должны рабочих на борьбу, веря в победу единственного сильного, истинно прогрессивного класса в России; и эту борьбу мы можем вести только под знаменем революционного социализма, под знаменем политической свободы и социальной революции. Мы предоставляем социал-демократам мириться с тем, чтобы грядущая революция осталась чисто политической, чтобы социальными плодами ее воспользовалась буржуазия. Рабочий класс отбросит от себя таких ослепленных доктринами людей, когда поймет, что ему дадут камень вместо хлеба. Революционная интеллигенция поймет, что с такою программой она измывает тому великому служению, которое она начала со времени Чернышевского; она не прощает своего права революционного первородства за чужую похлебку мертвящей, мнимой научной доктрины «нео-марксизма», в которой не осталось и следа того революционного содержания, которым старался наполнить его великий учитель социализма, Карл Маркс.

И мы верим, что новый революционный год даст нам новые и новые доказательства этого...

НА ТЕКУЩИХ ТЕМЫ.

VIII.

Печатаемая ниже крайне характерную для нынешних боевых